

УДК 347.921

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-84>

ЛОЖЬ В СУДЕ: ОТ НЕДОВЕРИЯ К НЕЛЕГИТИМНОСТИ

О. А. Сухорукова

Воронежский государственный университет

LYING IN COURT: FROM DISTRUST TO ILLEGITIMACY

O. A. Sukhorukova

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема лжи, т. е. сознательного искажения фактов, и ее последствий для разрешения судами гражданских дел. Особое внимание уделяется исследованию лжи лиц, имеющих юридическую заинтересованность в исходе дела, с учетом того, что при нынешнем подходе законодателя таковая юридической ответственности для них не влечет. Обосновывается необходимость распространения применения понятия лжесвидетельства также на заинтересованных лиц в части сообщения суду сведений об обстоятельствах дела, а также необходимость выработки механизма реагирования на ложь судебных представителей со стороны профессионального сообщества; предложены меры профилактики лжи, связанные с повышением уровня коммуникативной компетентности судей, и ряд других.

Ключевые слова: добросовестность, ложь в суде, доверие к суду, объяснения сторон, лжесвидетельство.

Abstract: the article deals with the problem of lying, i. e. conscious distortion of facts, and its consequences for the resolution of civil cases by courts. Particular attention is paid to the study of lies of persons who have a legal interest in the outcome of the case, taking into account that under the current approach of the legislator such a lie does not entail legal responsibility for them. The article substantiates the necessity of extending the application of the concept of perjury also to interested persons in terms of reporting to the court of information about the circumstances of the case, as well as the need to develop a mechanism for the professional community to respond to the lies of judicial representatives; the article suggests a number of measures for the prevention of lies; some of them are related to improving the level of communicative competence of judges.

Key words: good faith, lying in court, trust in the court, pleadings in court, perjury.

В последние годы в праве возрос интерес к феномену добросовестности в самых разных ее проявлениях. Причем активность в проведении соответствующих исследований демонстрируют не только цивилисты и процессуалисты, но и специалисты в области классических публичных отраслей, таких, например, как налоговое и административное право. Изучаются различные аспекты этой проблематики: от собственно понятия добросовестности, стандартов добросовестного поведения для отдельных правоотношений до последствий недобросовестного поведения и эстоппеля. Одной из причин такого интереса

науки и законодателя можно назвать повышение уровня правовой грамотности российского общества в целом и бизнес-сообщества в частности. Развитие информационных технологий привело, помимо прочего, к вовлечению в активный гражданский оборот за счет, например, маркетплейсов огромного числа людей, для которых возврат некачественного товара или написание претензии стали обычным делом. То же можно сказать о развитии культуры самостоятельного планирования путешествий, которое вынуждает соприкасаться со многими аспектами правовой действительности. На предпринимателей схожее влияние оказывает, например, развитие

© Сухорукова О. А., 2024

электронных механизмов во взаимоотношениях с органами государственной власти, которые за счет упрощения процедуры позволили частично отказаться от услуг юристов и решать многие вопросы самостоятельно. И это лишь малая часть из множества подобных примеров. В результате сегодня можно говорить о том, что, все чаще соприкасаясь со сферой правового, граждане и организации сформировали вполне адекватные представления и о законности как таковой, и об основных способах правового воздействия на общественные отношения; в том числе поэтому пришло время поднять выше планку ожиданий государства в отношении их поведения от просто законного к добросовестному.

Не осталась в стороне от этих процессов и сфера гражданского судопроизводства, в которой последовательно развиваются, например, идеи запрета на противоречивое поведение и другие проявления недобросовестности в процессе. Одним из аспектов этой проблематики является, безусловно, проблема лжи в суде.

Ложь – это феномен коммуникативный, поскольку в ее основе лежит желание транслировать собеседнику определенную версию событий, т. е. информацию. Учитывая, что все судебное доказывание осуществляется с целью получения как можно более полных и достоверных сведений об обстоятельствах спора, искажение таких сведений следует считать серьезным препятствием на этом пути. Даже не погружаясь в глубокие размышления об онтологии лжи, ее нравственном, религиозном и социальном измерении, можно с уверенностью сказать, что в контексте судопроизводства ложь не имеет и не может иметь положительной коннотации.

Ложь является намеренным искажением истины¹, т. е. в некотором смысле антиистиной, и хотя бы поэтому она несовместима с правосудием, для которого установление истины является несомненным приоритетом.

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Доверие является базисом правосудия, поэтому, по мнению Г. А. Гаджиева, «суд, потеряв доверие, утрачивает легитимность»².

¹ URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13403>

² Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 24.

Судебное решение, основанное на лжи, не достигает целей правосудия, поскольку не способно ни восстановить нарушенное право, ни урегулировать спор, ни решить вспомогательные задачи, связанные с обеспечением законности, формированием уважительного отношения к закону и суду. Но еще большая опасность в том, что подобные решения демонстрируют отсутствие необходимого авторитета судебной власти (раз уж возможно безнаказанно и даже с успехом водить суд за нос), а это может привести к росту нигилистических настроений в обществе со всеми вытекающими последствиями: от самоуправства до серьезных преступлений.

Однако при всей важности обозначенной проблемы, как ни странно, отечественное процессуальное законодательство, кроме нормы о необходимости добросовестно пользоваться процессуальными правами, а также положений об ответственности за заведомо ложные показания свидетелей, заключение экспертов и т. п., не содержит норм, обязывающих именно заинтересованных в исходе дела лиц правдиво выступать перед судом, как это есть в некоторых иностранных правовых порядках. Например, гражданское процессуальное законодательство Германии помимо объяснений сторон предусматривает возможность допроса сторон под присягой (*Fragerecht*), целью которого является установление действительных обстоятельств гражданского дела³. Очевидно, потребность в такой мере возникает в случае противоречивости представленных доказательств или сомнений суда в правдивости объяснений стороны.

В то же время нельзя утверждать, что только лишь отсутствие правового механизма реагирования на ложь является причиной ее распространения в суде. Осознание безнаказанности, безусловно, оказывает большое влияние на поведение, но представляется, что люди лгут в суде не только поэтому, а скорее потому же, почему совершают иные недостойные и даже неправомерные поступки, т. е. потому, что считают ложь нравственно приемлемым инструментом достижения своих целей.

Разумеется, здесь имеют значение и культурные факторы – представления людей об искренности и силе слова заметно изменились за последние годы. Ложь все чаще оправдывается

³ См.: Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. / сост., введ. В. Бергманна. М., 2006.

субъективно понимаемой необходимостью и не порицается; искажение фактов, в том числе исторических, и создание таким образом в сознании аудитории несуществующей версии реальности стало инструментом в руках политических элит многих стран и, как следствие, население этих стран испытывает на себе серьезное информационное воздействие такого толка, которое осуществляется посредством СМИ и социальных сетей. Словом, ложь прочно закрепила в человеческой жизни и вполне закономерно, что ее проявления наблюдаются и в судебном процессе.

Очевидно, что юридическая наука не способна конструктивно повлиять на нравственные истоки лжи, но вполне возможно разработать эффективные меры по противодействию лжи в суде с тем, чтобы свести к минимуму ее негативное воздействие на достижение целей судопроизводства.

Прежде всего, следует вести речь о заинтересованных участниках процесса, поскольку существующее по этому вопросу регулирование правового положения лиц, содействующих осуществлению правосудия, представляется достаточным. Итак, еще раз следует констатировать, что применительно к лицам, участвующим в деле, никаких значимых предупреждающих ложь норм в отечественном процессуальном законодательстве нет, хотя именно их недобросовестность, особенно недобросовестность сторон, способна оказать наибольшее влияние на ход рассмотрения дела и его результат.

Можно выделить два способа проникновения в процесс лжи от заинтересованных лиц: объяснения сторон и третьих лиц и доказательства. Объяснения имеют сложную природу и вследствие этого неоднородную структуру. Так, М. К. Треушников предложил выделять в объяснениях сторон и третьих лиц следующие элементы⁴: 1) сообщения, сведения о фактах, т. е. доказательства; 2) волеизъявления; 3) суждения о юридической квалификации правоотношений; 4) мотивы, аргументы, с помощью которых каждая сторона освещает фактические обстоятельства в выгодном для себя аспекте; 5) выражение эмоций, настроений.

Некоторые авторы считают объяснения сторон разновидностью заверений об обстоятель-

ствах, поскольку подобно тому, как заверения об обстоятельствах даются стороне сделки, чтобы вызвать у нее доверие, объяснения даются суду как свидетельствование истинности и обоснованности доводов стороны⁵.

В любом случае объяснения всегда содержат сведения о фактах и в этой части, безусловно, имеют доказательственное значение. Именно к этой фактической составляющей объяснений необходимо предъявлять требование правдивости. Чем отличается рассказ о фактах спора, например, истца и свидетеля? Они оба, владея информацией о случившемся, сообщают ее суду для правильного рассмотрения дела, т. е. одинаково свидетельствуют о том, что знают, и это свидетельство имеет одинаковый статус доказательства по делу. Но при этом одному из них необходимо под угрозой уголовного наказания говорить правду, а второй может без последствий солгать. Это странная и противоречивая ситуация. Нельзя оправдать ее ссылками на ст. 51 Конституции РФ, в соответствии с которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»⁶, равно как и дублирующими ее нормами ч. 4 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса РФ и ч. 6 ст. 56 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). В указанных нормах гарантируется право на молчание с целью не стать источником доказательств в ущерб своим интересам или интересам своих близких, а не на сознательную ложь с целью сформировать у суда не соответствующее действительности, но выгодное для стороны представление о фактах.

Таким образом, квалификация лжесвидетельства не должна зависеть от процессуального статуса лица и его юридической заинтересованности или незаинтересованности в исходе дела, а только от установления факта предоставления суду ложных, т. е. сознательно искаженных, сведений. Такой подход укрепит позиции состязательности в процессе, поскольку создаст правильную корреляцию с обязанностью стороны

⁵ См., например: Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 5.

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2021. С. 185.

доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений: не хочешь говорить правду – молчи, но в таком случае ты несешь риск непредставления необходимых доказательств. Восприятие этого подхода потребует соответствующего изменения уголовного законодательства, что наверняка вызовет скепсис в рядах процессуалистов, однако другого пути нет, если мы хотим быть последовательными в вопросах формирования уважительного отношения к закону и суду.

Если право сторон отстаивать свои интересы всеми средствами может найти сторонников в научной среде, то вряд ли таковых обретут нечистые на руку представители. Те, кто специализируется на представительстве в суде, должны дорожить доверием суда, а не злоупотреблять им. Их объяснения должны быть ими тщательно проверены и подкреплены доказательствами. Недостоверность их объяснений должна не только вызывать негативные последствия для процесса, но и порождать их персональную ответственность. Вообще говоря, то, что простительно истцу, не простительно его профессиональному представителю. Однако здесь есть важные нюансы. Представитель не является источником доказательств, его знания о фактах спора получены от доверителя, он лишь транслирует их суду, и следовательно, обвинить его во лжи невозможно. Но если представитель на протяжении судебного разбирательства последователен в изложении фактов или в его описании обстоятельств спора обнаруживаются противоречия, это может свидетельствовать уже о сознательном искажении сведений и должно получить соответствующую оценку.

Со стороны суда это будет выражено в квалификации процессуального поведения как недобросовестного с предусмотренными процессуальными кодексами последствиями в виде, например, отнесения на такое лицо (доверителя) судебных издержек и наложения судебного штрафа уже на самого представителя за неуважение к суду.

Со стороны профессионального сообщества, если во лжи уличен адвокат, должны быть приняты дисциплинарные меры. Кстати, Кодекс профессиональной этики адвоката уже содержит нормы, позволяющие такие меры применять. Например, п. 1 ст. 4: «Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»; п. 1 ст. 8: «При осуществлении профессиональной деятельно-

сти адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности»; и конечно, п. 1 ст. 10: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»⁷. Иначе говоря, уже сейчас суд имеет возможность вынесения частного определения в отношении адвоката не только по фактам опозданий, оскорблений, других форм неподобающего поведения, как это имеет место в настоящее время, но и по факту уличения во лжи, поскольку ложь есть не менее, а скорее даже более циничная форма проявления неуважения к суду со стороны представителя профессионального сообщества.

Указанные меры по сути своей являются мерами карательными, несмотря на очевидный превентивный потенциал, в связи с чем их внедрение требует тщательного осмысления условий и механизма привлечения к ответственности во избежание их неразумного и неизбирательного применения. Решение этой задачи невозможно без надлежащей квалификации судей, прежде всего без необходимого уровня их коммуникативной компетентности, которая позволит распознавать ложь и адекватно реагировать на нее. Следует еще раз подчеркнуть, что ложь – это не любое несоответствие слов/доказательств действительности, но только сознательное искажение этой действительности. В этом смысле судья должен быть достаточно компетентен для того, чтобы различными коммуникативными средствами подтвердить или опровергнуть свой вывод именно о лживости, а не простой ложности тех или иных утверждений.

Кроме того, хорошие навыки профессиональной коммуникации вкупе с готовностью судьи пресекать ложь значительно повышают вероятность ее обнаружения. Это очень важно, поскольку в вопросах лжи всегда имеет место расчет: ложь всегда несет в себе риск, но если потенциальная выгода от лжи велика, риск игнорируется, однако если вероятность разоблачения лжи существенно возрастает, риск становится

⁷ Кодекс профессиональной этики адвоката. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 21.03.2024).

ся неприемлемым и тогда с учетом возможных последствий выгоднее сказать правду. Поэтому высокий уровень коммуникативной компетентности судьи является одним из наиболее эффективных средств борьбы с ложью в суде и ее профилактики.

Вторым значимым проявлением лжи в процессе является фальсификация доказательств. Общеизвестно, что она может осуществляться в форме материального и интеллектуального подлога.

При всей очевидной значимости для правильного разрешения дела обоих вариантов подлога Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» указал, что в порядке ст. 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, т. е. совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). В силу ч. 3 ст. 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам названной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе)⁸.

Таким образом, констатация недостоверности доказательства в результате его проверки и исследования не влечет никаких специальных последствий, кроме влияния на вывод суда о доказанности соответствующих фактов. Но этот подход можно считать приемлемым только в отсутствие установленной преднамеренности со стороны лица, представившего такое порочное доказательство, т. е. когда оно не является его «создателем». В противном случае подобное недостоверное доказательство является сфальсифицированным ровно так, как документы с поддельными подписями, датами и прочими прав-

⁸ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. март. № 3.

ками, и реакция суда на него должна быть такой же. В этом смысле указанная позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу является совершенно не удовлетворительной и требующей пересмотра.

Однако применительно к представлению доказательств следует различать активную ложь, выраженную в действиях, и сокрытие, т. е. утаивание от суда важных доказательств. Если подобное утаивание не сопровождается ложными объяснениями стороны, оно не может быть квалифицировано как лжесвидетельство, поскольку в таком случае лицо лишь реализует право не свидетельствовать против себя. Между тем, сложно представить ситуацию, когда, зная о наличии важных для дела, но невыгодных для стороны доказательств, можно обойтись без лжи.

Верховный Суд РФ и в этом вопросе занял неоднозначную позицию, которую в частности иллюстрирует определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017 по вопросу возможности пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В нем Верховный Суд РФ отмечает следующее: «Принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство»⁹.

С одной стороны, следует положительно оценить допущенную возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при обнаружении явной судебной ошибки вследствие сокрытия доказательств. В этом смысле стоит согласиться с А. Р. Султановым, который также считает ложь юридическим фактом, выявление которого может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам¹⁰. С другой стороны неопределенность квалификации поведения стороны как

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2b6220df-a831-4dbc-9b12-0cb0caf8d16b/900c90ac-8212-43a8-8a5f-9a4f2da7e4df/A65-6755-2017_20210311_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.03.2024).

¹⁰ См.: Султанов А. Р. Ложь стороны в арбитражном суде как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 4.

недобросовестного только лишь в связи с утаиванием имеющихся доказательств противоречит конституционному праву не свидетельствовать против себя и, конечно, такое поведение само по себе не может быть квалифицировано как противоправное или даже недобросовестное.

Очевидно, Верховному Суду РФ следовало в этой ситуации сместить акценты на ложь стороны, которая в этом деле явно имела место, и именно на этом делать вывод о недобросовестности, в то время как обнаружение доказательства, сокрытого стороной, квалифицировать как доказательство этой лжи, а не как самостоятельный акт недобросовестного поведения.

Таким образом, на сегодняшний момент можно констатировать отсутствие цельной и всесторонне осмысленной стратегии борьбы с ложью в суде при в общем осознаваемой всеми необходимости такой борьбы. По всей видимости, локальные меры Верховного Суда РФ не возымеют действия без сформулированных процессуальной наукой новых адекватных обозначенным вызовам подходов к решению этой важнейшей аксиологической проблемы процесса. А это именно ценностная проблема, поскольку установление истины в качестве высшей ценности правосудия неизбежно влечет абсолютную нетерпимость ко лжи и соответственно невозможность оправдать ложь стремлением к обеспечению ценностей более низкого порядка, например, состязательности, диспозитивности, процессуальной экономии и даже защите нарушенного права, ибо, как говорили римляне, *fraus et jus nunquam cohabitant* (обман и правосудие никогда не уживаются).

Библиографический список

Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 17–26.

Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / сост., введ. В. Бергманна. М. : Волтерс Клувер, 2006. 472 с.

Султанов А. Р. Ложь стороны в арбитражном суде как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 4. С. 70–86.

Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 5. С. 230–262.

Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2021. 304 с.

References

Gadzhiev G. A. Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» : novelties of constitutional proceedings of 2010 // Journal of Russian Law. 2011. No. 10. P. 17–26.

German civil procedure code. Introductory law to the Civil Code : transl. from germ. / comp., introd. by V. Bergmann. M. : Wolters Kluwer, 2006. 472 p.

Sultanov A. R. Lie by a party in an arbitration court as a procedural legal fact // Bulletin of Civil Procedure. 2021. T. 11, no. 4. P. 70–86.

Sultanov A. R. Consequences of lies in process and substantive law // Bulletin of civil process. 2019. T. 9, no. 5. P. 230–262.

Treushnikov M. K. Forensic evidence. 5th ed., add. M. : Gorodets, 2021. 304 p.

Воронежский государственный университет
Сухорукова О. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: osuhorukova@gmail.com

Дата поступления: 25.03.2024

Для цитирования:

Сухорукова О. А. Ложь в суде : от недоверия к нелегитимности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 89–94. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-94>

Voronezh State University
Sukhorukova O. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law and Process
Department

Received: 25.03.2024

For citation:

Sukhorukova O. A. Lying in court : from distrust to illegitimacy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 89–94. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-94>